

Людмила Злобинская

Как я жарила рыбу

В нашем поселке Юру Шишкина знают все. Если у кого-то потух свет, не заводится машина или нужно что-то к чему-то приварить, его можно всегда позвать на помощь. Он все починит. А если не починит, то даст множество советов полезных и добрых. После долгих уговоров что-нибудь сделать в моем доме он обычно говорит что-нибудь воспитательное:

- Ты что сама не можешь батарею снять? Ну, и что, что зима!?

Или совсем уж назидательное:

- Возьми газовый ключ, и переставь счетчик! Делов-то!

Мое неумение залезть под капот и поменять свечи он расценивает как женский каприз и нежелание чему-нибудь учиться. Но все равно для меня он – палочка-выручалочка. Ворчит, поучает, но делает.

У Юры есть одна большая страсть – рыбная ловля. Рыбу он ловит в разных речках нашей области каждый выходной день. Часто уловы такие, что он раздает ее всем ближайшим соседям. Я не самая ближайшая, да и рыбу покупаю свежемороженую морскую в магазине. Не люблю и не умею всех этих чебаков да карасей чистить. Но на этот раз улов был, видимо, такой, что и до меня очередь дошла. Мне почти торжественно был вручен пакет с рыбой и отдан приказ:

- Иди на кухню и начинай чистить! Да не бойся ты! Это маленькие рыбки, живут в небольших речках и называются: ротан.

Ну что было делать? Ослушаешься - розетку чинить не будет. Я поплелась на кухню, открыла пакет. В нем что-то шевелилось. Сплошная темная масса открывала рты, шевелила жабрами и хвостами и явно была настроена недружелюбно. Я отшатнулась. В голове мелькнула мысль:

- Может, все-таки, как-нибудь можно отказаться?

Но ее быстро развеял, вернувшийся из подвала Шишкин. Увидев мою бледную физиономию, он лишь милостиво молвил:

- Ладно, подожди до вечера. К вечеру они уснут. А я завтра все у тебя доделаю.

Мои надежды на помилование тут же испарились. Я отложила злополучный пакет и проводила Шишкина. А часов в одиннадцать вечера, когда все эти ротаны уже должны были давно спать, заглянула в пакет. Не тут-то было! Размечталась! Казавшийся с виду абсолютно спокойным, пакет внутри демонстрировал полное нежелание засыпать. (Ровно как дети малые.) Всё также шевелились жабры и открывались рты. Как будто какая-то сила заводила

содержимое пакета, как только я к нему прикасалась. Долго думать было некогда - время приближалось к полуночи. Я решила, что утро вечера мудренее, и заявила неугомонным рыбам:

- Ну, уж ночью-то, вы точно все заснете, голубчики! Спокойной ночи!

На всякий случай (вдруг ночью разбегутся) положила пакет в глубокую кастрюлю и выставила ее в гараж. Там зимой тепло.

Утром ко мне зашел мой сын Аркадий, и мы занялись домашними делами. К полудню я вспомнила о мятежном пакете и заглянула в него. Никаких признаков жизни! Свершилось! Я схватила первую попавшуюся рыбу и уже собралась ее чистить, как это нечто забрыкалось у меня в руках. Да так сильно забрыкалось, что вырвавшись, оказалось на полу! Я заорала, испугавшись то ли за себя, то ли за рыбу. Сверху на крик примчался мой сын и обалдел от увиденного: рыба бьется на полу, мать в полуобмороке, а в пакете мрачно шевелится остальное.

После некоторых раздумий над своей тяжелой долей я позвонила соседке Наталье. Наталья живет через несколько домов от меня, не один раз рассказывала мне, что папа ее был настоящим рыбаком, и потому она соображает в рыбных делах. Я рассказала ей о строптивом пакете, о своих мученьях и просто взмолилась о помощи.

- Неси, почищу. Что с тобой делать? - коротко ответила она.

Я погрузила пакет в машину, села за руль. Пакет лежал рядом и хрустел по мере приближения к Натальиному дому все сильнее и сильнее. Казалось, в нем поняли, что неотвратимое уже близко. И во мне вдруг проснулось уважение к бессловесному его содержимому. Как оно боролось за свою жизнь уже вторые сутки! Как надеялось, что все еще обойдется. Но вот и Натальин дом.

- Ну, не выпускать же их на улицу, в конце концов,- успокоила я себя, и уже со смешанным чувством радости и сожаления отдала пакет Наталье. Она заглянула в пакет и воскликнула:

- Так это же ротаны! Очень вкусная рыба.

Вечером я заехала к ней за пакетом. Внутри никто не шевелился. Выпотрошенные безголовые тушки смиренно лежали в нем, уже не протестуя. Без опаски я положила их на сковороду. Все было спокойно. Поначалу. Но вдруг хвост у одной из них медленно начал подниматься, потом у другой. И так один за другим торжественно выстраивались в ряды скворчащие в масле хвосты. Я смотрела, как замороженная. Казалось, что они салютуют мне на прощанье, то ли смеясь надо мной, то ли желая сказать мне что-то важное, пока мне недоступное.

Так с поднятыми хвостами они зажарились до корочки. Есть их я сразу не стала. Пусть еще полежат. Авось, совсем уснут!